

УДК 902.7 (575.17)

РУССКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ШОРСКОГО ЭТНОСА

В. М. Кимеев

THE RUSSIAN COLONIZATION AS THE BASIS OF THE SHOR ETHNOS

V. M. Kimeev

Работа выполнена по гранту РГНФ № 14-11-42003.

В статье выявляются изменения административного устройства и социальной организации кузнецких татар-шорцев в XVII – XX вв. как результат военно-административной и хозяйственно-экономической колонизации российских властей Верхнего Притомья. Результатом такой колонизации явилось формирование ядра будущего этноса – кузнецких татар-шорцев, который сложился из различных по происхождению этнолокальных групп, родственных соседним сагайцам-хакасам, северным алтайцам (кумандинцам и челканцам), а также ачкештымам-телеутам. Впервые подробно показана особенность формирования этнической индентификации шорцев в условиях национально-государственного строительства в советский период истории России. В этот же период существования Горно-Шорского национального района окончательно определились современные этнические границы шорского этноса, в условиях его дисперсного расселения на юге Кузбасса в крупных городах (большинство шорских семей) и в отдаленных таежных поселках Таштагольского и Междуреченского районов Кемеровской области.

The paper identifies the changes in the administrative structure and social organization of the Kuznetsk Tatars – Shors in the 18th – 20th centuries as a result of military-administrative and economic colonization of the Upper Pritymye by the Russian authorities. The result of this colonization was the formation of the nucleus of the future ethnic group – the Kuznetsk Tatars-Shors, which has evolved from ethnocultural groups of different origins related to the neighboring Sagayans-Khakasses, Northern Altaians (the Kumandy and the Chelkans) and Achkeshtyms-Teleuts. The paper reveals for the first time the formation of ethnic feature the Shors in terms of nation-building in the Soviet period. At that very period in history of the Mountain Shoriya national district, the modern ethnic boundaries the Shor ethnic groups were finally settled, in terms of their dispersal in the south of Kuzbassin large cities (most Shor families) and in remote villages in Tashtagolsky and Mezhdurechenskiy districts of Kemerovo region.

Ключевые слова: Шорцы, кузнецкие татары, колонизация, социальная организация, этнические процессы.

Keywords: Shors, Kuznetsk Tatars, colonization, ethnicity, national processes.

К приходу отрядов русских казаков в начале XVII в. население таежных и лесостепных районов Южного Притомья уже длительное время входило в ареал влияния телеутов, кыргызов и джунгар. В то же время в ряде мест сохранялись более древние культурные компоненты, включая языковой субстрат, что, в частности, проявлялось в диалектных особенностях формирующегося шорского языка [43, с. 115]. До конца XVIII в. часть томско-кузнецких татар находилась на положении «многоданцев», т. е. стали платить ясак русскому царю, оставаясь отчасти кыштымами енисейских кыргызов, приобских телеутов и джунгар, а после разгрома последних – китайского амбыня Западной Монголии [39, с. 32].

Вплоть до первых академических экспедиций первой четверти XVIII в. отписки воевод и царские указы были единственными письменными документами, в которых упоминались несколько названий этнотерриториальных групп кузнецких татар, имена и местообитание их князьков, в том числе и «городок» абинского князька Базаяка [32, с. 7 – 8].

Укрепившись в Томском остроге, воеводы Василий Вольтинский и Михаил Новосильцов неоднократно в течение 1608 – 1616 гг. посылали пешие отряды казаков зимой – на лыжах, летом – верхом на конях или добирались в лодках вверх по Томи вплоть до рек Кондомы, Мрассу, а также на Обь и Бию. Преодолевая сопротивление аборигенов, где хитростью и добром, а где и силой казакам удалось обложить ясаком

кузнецких татар. Так, в ноябре 1608 г. отряд служилых людей отправился на лыжах в «Кузнецкие волости» для сбора ясака, но, как следует из отписки томских воевод царю, «...и прежде сего, государь, кузнецкие люди ясаку тебе государю платили не сполна, недособолишка худые, которые в твою государеву казну не пригодятца» [33, с. 412; 28, с. 23].

Летом 1609 г. для приведения кузнецких татар «к шерти» из Томска был отправлен сборный коннопеший отряд служилых людей в количестве 40 чел. во главе с казачьим атаманом Иваном Павловым. Дойдя за неделю до устья Кондомы, казаки обосновались в городке князька «абинских татар» Базаяка, укрепив его тыном для защиты от внезапного нападения кыргызов. После тщетных попыток взять сполна ясак сближайших групп кузнецких татар, измученные бескормицей, казаки вынуждены были к началу февраля 1610 г. вернуться в Томск ни с чем [33, с. 319, 423 – 425]. Неудачными были и все последующие рейды в «кузнецкие волости» из-за противодействия паштыков и военного противостояния кыргызских и телеутских князей. В один из таких рейдов конный отряд из двух сотен служилых людей стрелецкого сотника Ивана Пушина и казацкого атамана Бажена Константинова в 1615 г., разделившись на группы, смог «повоевать» несколько улусов абинцев и сарачерский улус бирюсинцев паштыка Кузги, но затем был осажден в укрепленном острожке объединенным отрядом кузнецких татар, кыргызов и черных калмыков

(джунгаров) численностью более 5000 человек. После 10 недельной осады, истощенные голодом казаки отчаянным броском сумели пробить кольцо окружения и добраться до Томского острога, захватив в плен знатных пленников [33, с. 443; 34, с. 10].

Это оказало сильное воздействие на кузнецких татар, некоторые паштыки которых в 1615 г. сполна внесли ясак конному казаку Васьки Ананьину: «...и кузнецкие, государь, люди тебе государю шертовали и ясак с себя дали, и тебе государю нынечи кузнецкие люди служат и прямят и ясак государю дают» [33, с. 436; 32, с. 42]. В то же время из отписки другого казачьего атамана Ивана Теплинского, посланного в том же 1616 г. в «...Тюлюберскую, да в Абинскую, да в Сачаровскую, да в Чорскую, в Елескую, да в Каргу, да в Ковы ко князьком и к лутчим людем...» следует, что «...кузнецкие, государь, князьки и лутчие люди тебе, государю ясак не дали и не шертовали и меня, государь, холопа твоего ограбили, и платье снимали, и санапал и саблю отняли...» [33, с. 437; 32, с. 44].

Чтобы окончательно укрепиться в верховьях Томи и обеспечить регулярный сбор ясака решено было создать постоянное укрытие казакам-годовальщикам. Весной 1618 г. первый Кузнецкий острог был отстроен предположительно недалеко от прежнего городка абинского князька Базаяка, упоминание о котором исчезло из русских документов [33, с. 444; 32, с. 55 – 56; 26, с. 221; 35, с. 97]. Сообщение этнографа Л. П. Потапова, основанного на неких «шорских» преданиях, о существовании «...на месте Кузнецкого острога...» укрепления абинцев, «...которое русские, отчаявшись взять приступом, взяли подкопом» не подтверждаются имеющимися материалами шорского фольклора и письменными документами [37, с. 13].

При кузнецком воеводе Баскакове к концу первой четверти XVII в. постепенно формируется самостоятельный Кузнецкий уезд. Первоначально его территория ограничивалась прилегающими к острогу заимками с пашнями служилых людей, а с 1648 г. - Христорождественским монастырем. Номинально под власть кузнецких воевод попали и ясачные волости томских абинцев, верхне-кондомских шорских сеоков и мрасских бирюсинцев. Однако реально далеко не все волости «иноземцев» признавали новую власть кузнецких воевод, отчего долгое время не было четкого представления ни о численности ясачных, ни о границах уезда. Так, согласно отписок кузнецкого воеводы Голенищева-Кутузова, только в 1627 г. были объяснены некоторые Кондомские волости и «Киченская земля» в верховьях Мрассу, а остальные мрасские «захребетники» так и не дали в тот год ясака [32, с. 122].

Со всех сторон Кузнецкий уезд был окружен «немирными землями» джунгарских кыштымов – енисейских кыргызов и приобских телеутов и долгое время сообщался с Томским городом или по Томи в лодках и на лыжах, или конным путем по долинам и водоразделам рек Ускат, Бачат, Иня и Искитим. Зачастую происходили «измены» ясачных волостей. Так в отписке кузнецкого воеводы Ивана Волконского за 1629 г. указывается, что кондомские волости «все отложились, а твоего государева ясаку на нынешний год не хотят дати» [32, с. 144]. Окончательно терри-

тория Кузнецкого уезда оформилась после угона части енисейских кыргызов джунгарами в 1703 г. из долины Абакана через долины рек Ортон, Мрассу и Кондомы. Стараниями участников Академической экспедиции и военных инженеров-геодезистов Шашкова и С. Плаутина были определены топографические границы Кузнецкого уезда, намечена трасса Томско-Кузнецкого тракта [1, с. 85; 36, с. 161 – 162].

С появлением русских деревень Кузнецкий уезд состоял из острога и приписанных к ним ясачных улусов и волостей. Созданы волости были для облегчения сбора ясака у аборигенов Притомья и являлись податными, а не территориальными единицами. Приводимая к «шерти» для уплаты ясака новая кровнородственная группа кузнецких татар заносилась в официальные списки по названию своего рода-сёока, как например, волости Карга и Ковы или по имени старейшины группы больших семей «тёлей» – улус Бежбояков, Едеев и др. [27, с. 104]. Во главе образованной волости и улуса назначался паштык (глава) или, как его чаще называли источники XVII в. «князец», который и ежегодно сообщал царским служилым людям о количестве своих плательщиков ясака. Во внутреннюю жизнь волостей и улусов воеводы обычно не вмешивались, ограничиваясь контролем за сдачей ясака и учетом ясачных. Некоторые ясачные волости считались «многоданцами»: ясак платили русскому царю, а алман, через телеутских и кыргызских князцов – джунгарскому тайше.

Русская колонизация сопровождалась активным проникновением в Западное Притомье с 1620-х годов «выезжих на государево имя» небольших групп «белых калмыков» или приобских телеутов, добровольно принимавших подданство русскому государству [42, с. 187; 41, с. 66]. Это привело к ассимиляции местных оседлых тюркоязычных «томско-кузнецких татар» – тогулов, тюльберов, ач-кыштымов и части абинцев. Выезжие телеуты внесли также вклад в формирование и новых этнических образований Притомья: бачатских телеутов, татар-калмаков и исторических предков современных шорцев.

Кроме официальных названий волостей (а впоследствии и управ) употреблялись и народные, образованные от названий, входивших в управу сёоков. Например, Таяжская волость, где преобладал сёокта-яш, официально называлась Мрасско-Изушерской; Каларская волость называлась Кондомо-Итеберо-Шерогашевой. Были названия волостей, отражающие их местонахождение: Осиновская – от улуса Осинники, официально же она называлась Кондомо-Барсиатская [11, с. 149].

В 1745 г. инженер-капитан Сергей Плаутин был командирован командованием Сибирского корпуса для проведения полевых военно-инженерных исследований и экспертных работ обустройству новой пограничной линии от Куздеевского форпоста до Телецкого озера и далее до Саянской крепости Красноярского уезда. В составленных им описаниях и картах новых территорий содержатся редкие сведения по административному устройству Кузнецкого уезда и хозяйственных занятиях кузнецких татар [36, с. 161 – 162].

От г. Кузнецка по тракту в сторону Телецкого озера первая «татарская» волость Кузнецкого ведомства - *Барсоаяцкая* (Кондомо-Барсиатская в XIX в.) располагалась в 68 верстах по обоим берегам Кондомы (в районе современного г. Осинники). Ясак барсиатцы в количестве 37 душ м. п. платили исправно только русским властям в Кузнецк. Занимались хлебопашеством, высевая на плодородных землях в небольших количествах ячмень, пшеницу, рожь, ярицу, а остальной хлеб докупали у русских крестьян Кузнецкого уезда. Несмотря на удобные пастбища, разводили только лошадей. Главным занятием была охота.

Вторая *Тагавская* (точнее *Тагабская* – В. К.) располагалась в 45 верстах от ставки паштыка Барсиатской волости по обоим берегам левого притока Кондомы - реки Сары-Чумыш и составляла 39 плательщиков мужского пола и платят ясак также только русским властям. В небольших количествах высевают яровой хлеб: ячмень, пшеницу, ярицу, остальное покупают у русских крестьян. Занимаются коневодством, но главным занятием считается охота.

Неясным остается название третьей волости - *Баитинской*, располагавшейся по обоим берегам Кондомы в 35 верстах от Барсиатской, с которой общались летом лодками по реке или конными тропами, для чего разводят небольшое количество лошадей, а зимой передвигались только на лыжах. Лошадей используют также для доставки продовольствия на охотничьи станы. Ярового хлеба - ячменя, ржи, ярицы из-за каменистой почвы высевают очень мало, у русских крестьян не докупают, а питаются в основном «одним звериным мясом». Эти группы кузнецких татар оставались двоеданцами - платили ясак в Кузнецк с 34 д. м. п. и «алман Зенгорскому владельцу». Вероятно это Бежбоякова волость.

Далее верх по обоим берегам Кондомы в 37 верстах от Бежбояковой располагалась четвертая также двоеданческая *Елейская* волость в составе 31 д. м. п., жители которой «судом и расправой больше ведают к России. Из-за каменистой почвы хлебопашество и коневодство развиты слабо. Сеют один ячмень, который и то плохо созревает, отчего питаются в основном «одним звериным промыслом». Сообщение и доставка груза летом - лодками или «верховой ездой выюками».

Пятая также двоеданческая *Шерская* (точнее *Шорская* – В. К.) находилась в 70 верстах от Елейской, до которой можно добраться летом из-за мелководья «только верховой ездой, зимой на лыжах». Местные татары-шорцы в количестве 75 д. м. п. «судом и расправой больше ведают к России». Из-за каменистой почвы хлебопашество (сеяли только ячмень, который и не всегда вызревает) и коневодство развито слабо, а развит только «зверинный промысел».

В сторону Саянской крепости от Кузнецкого форпоста по обоим берегам Кондомы и ее правому притоку Тильбесу (точнее *Тельбесу* – В. К.) располагалась *Катунская* волость (в районе улуса Подкатунского XIX в., ныне станция Подкатунь). Местные жители в количестве 30 д. м. п. платили ясак только в Кузнецк, отдаленный от Катунской волости на 50 верст. Занимались хлебопашеством, высевая яро-

вые: ячмень, пшеницу, рожь ярицу, но более покупают его у подгородних русских крестьян. Занимались коневодством, но более охотничьим промыслом. Примечательно, что только про них С. Плаутин отметил, что они «...имеют у себя довольно руд железных и сами оную плавят».

Далее в 32 верстах от Катунской волости по обоим берегам правого притока Кондомы - Мандамашу (точнее *Мундыбашу* – В. К.) располагалась двоеданческая Четтиберская (Етиберо-Шерогашева в XIX в.) волость, жители которой «судом и расправой больше ведают к России». Алман платят «зенгорскому владельцу» выплавленным железом, а в Кузнецк сдают ясак пушниной. Из-за гористой местности сеют только ячмень, который и то часто не вызревает. Хлеба у русских крестьян не докупают и питаются «зверинным мясом». Связь с соседними волостями летом «только верховой ездой и зимой пешей на лыжах».

За ранее описанной Шерской волостью по обоим берегам реки Мрассу обитали татары «двоеданные» Мрасской волости в количестве 45 д. м. п., которые «судом и расправой больше ведают к России». На каменистой почве сеют яровой хлеб: ячмень, пшеницу «самое малое число», да и то они «более на горах прозябают». Дополнительно хлеба не докупают ни в Кузнецком, ни в Красноярском уезде, а «более питаются звериным мясом». Сообщение с волостью «только верховой ездой, а зимой на лыжах».

Последняя, где проживали исторические предки современных верхнеабаканских шорцев, *Бельтирская* волость располагалась по обоим берегам реки Таштып, а ее жители в количестве 50 д. м. п. хотя и платили ясак как в Кузнецк, так и «алман Зенгорскому владельцу», но «судом и расправой больше ведают к России». На каменистой почве умудрялись выращивать «самое малое число» яровой хлеб: ячмень, пшеницу, которые «более на горах прозябают». Хлеба как у соседних степных сагайцев, так и русских крестьян не докупали, а питались «более звериным мясом». Занимались также коневодством и овцеводством.

После преобразования волостей в управы в XIX в. количество последних уменьшилось. Так, например, всостав образованной Карачерской управы вошли Карачерская и Сарачерская волости, в состав Мрасско-Бежбояковой управы – волости Кузнетева и Изнерчева, обозначенные на карте С. У. Ремезова в низовьях Мрассу. Названия остальных управ в большинстве совпадали с прежними названиями вошедших в них волостей. Управы, как и прежние волости, были административными единицами, к которым приписывалось родственное население из нескольких сёков во главе с паштыком (от слова паш – глава), выбираемым из самого многочисленного сёка или наиболее влиятельных семей. Через паштыка все сородичи, где бы они ни проживали, должны были платить ясак в управу, к которой были приписаны. Паштык только этой управы мог решать их судебные дела [9, с. 169].

Еще в XVIII в. паштык волостей выполняло обязанности предводителя при облавной коллективной охоте, в отражении набегов кочевников и карательных рейдов русских казаков. Переход кузнецких татар к пушной индивидуальной охоте в XIX в. по мере

повышения спроса со стороны царской администрации и требования сдачи ясака пушниной выборная должность паштыка постепенно стала наследственной. Развитие пушной охоты и сосредоточение в руках паштыка ясачной пушнины способствовало накоплению относительных богатств в отдельных семьях, из которых обычно и выбирался паштык.

Наиболее влиятельные и преданные власти паштыки были отмечены наградами, а защищавших интересы только своей общины и религиозных традиций преследовали. Так, царь Алексей Михайлович Романов в 1651 г. пожаловал «...Кузнецкого уезду, Мрасские волости князю, Кунестейку Изерекову да улусскому человеку Карачайку Ишлычакову, за их к нам службы и за радение, в их улусе князю Кунестейку лутчим человеком князю, а улусскому Карачайку в улусе улусным яскулом» [37, с. 233]. В конце XVIII в. император Павел I жаловал большую золотую медаль на Анненской ленте за верную 30-летнюю службу «князю» Токмашу - деду шорского паштыка Эбиске, в крещении Илье Васильевичу Токмашеву [10, с. 160].

После отмены наследственности паштыков многие из них путем подкупа царских чиновников, угощения и агитацией своих сородичей противостоять русским смогли сохранить свои должности. Действующий паштык и претенденты разъезжали перед выборами по улусам, обильно угощали мужчин, уговаривая голосовать на выборах именно за них. Историческая практика показывает, что обычно паштыки избирались из одного и того же, самого влиятельного тѣля: к примеру жители Ковинской волости (сѣоккобий) избирали паштыков из тѣля Шулбаевых. Примечательно, что эта практика сохраняется до сих пор. Так в поселке Усть-Анзас на смену ушедшего на пенсию Дмитрия Николаевича Торчакова из сѣока *челей* был избран его родственник (муж племянницы) Василий Петрович Отургашев из сѣока *карга*, предки которого до советской эпохи всегда избирались паштыками Дальне-Каргинской волости.

В начале XX в. на выборном собрании «паштык тутаргакылыг», т. е. на «собрании держать паштыка» присутствовать могли только взрослые мужчины и юноши, которые предварительно на общественные деньги варили мясо, выгоняли самогонку-араку, угощая ими всех выборщиков в течение двух трех дней. Паштык также не скупился на угощения за свой счет, понимая, что все расходы окупятся. По традиции все присутствующие тут же клали на бочку деньги каждый по достатку [37, с. 234].

По должности паштык раскладывал по плательщикам ясак на общем собрании и ежегодно собирал его после охотничьего сезона, вёл судебные разбирательства мелких дел членов своего чона, организовывал транспорт и поездки чиновников и миссионеров по улусам. При этом сам паштык освобождался от всяких податей и повинностей, от наказания розгами. Он не получал за службу никакого жалованья, компенсируя упущенную выгоду взятками, махинациями при сборе и доставке пушнины в Кузнецк, где по прибытии сбывал качественные шкурки торговцам, закупая у них низкосортную и сдавал в казначейство. Разница, после закупки нужных товаров, обычно пропивалась на пирушках с паштыками из других чонов

или с «лутчими людьми». В начале XX в. так называю «добавку» паштык извлекал занижая возрастную нижнюю планку юношам, подлежащих сдачи ясака с 18 до 16 лет, взимая с них дифференцированно шкурки стоимостью от минимума - 30 коп. до полной подати в 2 руб. Помимо этого паштык не гнушался разовыми взятками деньгами, пушниной, орехами, медом, хлебом, самогоном, золотом, самодельным или покупным товаром [37, с. 235]. В выполнении другой обязанности - переписке на русском языке с полицейским управлением и другими ведомствами - неграмотным паштыкам и есаулам (помощникам паштыка) в XIX – начале XX вв. обычно помогали православные миссионеры [12, с. 16].

Судебные заседания проводились паштыком в таежных улусах в присутствии 5 – 6 стариков-сородичей (*паштык тынар гыштар*). В больших улусах, особенно вблизи Кузнецка, при паштыке были выборные от управы судьи в количестве 12 наиболее уважаемых и деловых сородичей. Такая своеобразная судебная коллегия восседала за столом, летом во дворе дома паштыка, зимой – в избе, вынося приговор большинством голосов, хотя иногда это мог решать исам паштык единолично. Наказывали штрафом или поркой розгами, хотя любой мог от этого избежать за определенную взятку «сый», которую за неимущих могли заплатить родственники или зажиточные соседи за отработку. При отягчавшей ситуации размер взятки доходил до 200 руб., часть из которых паштык передавал уряднику. Наказание розгами (до 25 штук) производил специальный «шорский экзекутор» - *сазол*.

Паштык на общественные деньги нанимал работников из числа бедных сородичей для обслуживания своего хозяйства, мотивируя занятостью «общественными» делами, фактически превращая их в батраков или домашнюю прислугу. Не гнушались некоторые паштыки давать деньги в рост под проценты («парыш» - т. е. барыш). Нажить же большого богатства при таком лихоимстве паштыкам мешало обычное коллективное пьянство во время многочисленных мероприятий, встреч и праздников [37, с. 36].

Паштыку принято было оказывать своеобразные почести: во время визита к нему посетитель снимал картуз или шляпу, клал ее подмышку и стоял у дверей, пока паштык не приглашал его пройти к столу. Неуважением считалось пересечь паштыку дорогу, нелестно о нем отзываться, осуждать его приговоры и раскладку им ясака. Верховские таежные шорцы неоднократно рассказывали советскому этнографу Л. П. Потапову о жестокости и самодурстве некоторых паштыков как, например, Сандры Кусургашева с верховьев Мрассу или Кучигешева из Тетензы, которые предпочитали передвигаться зимой позамершей Мрассу, сидя в нартах, которые тащили несколько подданных [37, с. 237].

Подобно описывал личность паштыков и А. В. Адрианов: «...башлык потерял прежние прерогативы и сделался орудием в руках русской земской власти; звание башлыка или, попросту, старосты не наследственно теперь, а передается по выбору членов, входящих в состав волости, и притом не самостоятельно, а под давлением заседателя, писаря, исправника.

Башлык настоящего времени не патриарх, не глава одной семьи, а послушное орудие в руках разных мелких властей, первый и злейший враг народа» [3, с. 294].

По сравнению с этимисвидетельствами, странными выглядят публикации в прессе и научных сборниках современных представителей местной национально-политической элиты о «героической и гуманитарной» роли паштыков в истории шорского народа. Возрожденный ныне институт шорских паштыков мало чем отличается от лидеров национально-культурных центров или фольклорных ансамблей.

Формирование основ шорского этноса

После административной реформы в Кузнецком уезде в 1912 – 13 гг. все управы кузнецких татар были преобразованы в обычные административные волости с «оседлым инородцами», что привело не к консолидации, а скорее к миграциям, в пределах новых административных образований, разрушению внутриродовых и территориальных связей, потере локальной этничности и ассимиляции в окружении увеличивающегося по численности русского населения в процессе переселенческой политики российского государства. Институт паштыков был упразднен, а с ним и старая форма сбора налогов, традиционное самоуправление и организация системы судопроизводства. Семьи кузнецких «татаро-шорцев» были административно прикреплены по месту проживания, что улучшило систему учета и сбор налогов. Тем самым было окончательно устранено препятствие проникновению капиталистических отношений к коренному населению Кузнецкой тайги, что ускорило процесс расслоения шорцев на нищих промысловиков и зажиточных торговцев – *таньшей*. С тех пор стала проявляться межэтническая напряженность, особенно в населенных пунктах с преобладанием русского населения [40, с. 140].

В результате реформ были образованы: Томская волость (волостное правление в улусе Балбынь), с охватом земель и населения верховьев Томи и вверх по Мрассу до Хомутовских порогов; Мрасская (правление в улусе Усть-Анзас) и Верхне-Кондомская (правление в Кондомском стане) волости, включавшая все улусы с преобладанием «инородческого» крещеного населения верховьев реки Кондомы. С 1915 г. в рамках образованных сельских обществ на основе приговоров шло формирование органов самоуправления, выборы должностных лиц и судей из представителей, как русских крестьян, так и «татаро-шорцев».

После разрушения имперской российской государственности начался активный процесс национально-государственного самоопределения «инородцев» Саяно-Алтая, в том числе и этнотерриториальных групп кузнецких татар. По различным проектам, выдвигавшимся с 1917 г. областниками и представителями молодой национально-политической элиты из абинцев и бирюсинцев «татаро-шорцы» первоначально включались в республику «Ойрат» вместе с «минусинскими татарами» и «алтайскими инородцами».

На съезде «инородческих» делегатов Бийского и Кузнецкого уездов, проходившем с 1 по 6 июля 1917 г. в г. Бийске по инициативе Томского губернского

собрания, было принято решение ходатайствовать перед Временным правительством о создании самостоятельной национально-административной единицы в рамках земства. Одновременно был образован временный национальный исполнительный орган - Алтайская Горная дума во главе с коганом - томским областником Дмитрием Ануциным.

28 – 30 июля 1917 г. на съезде уполномоченных айлов был создан Кузнецкий отдел Алтайской Горной Думы – первый национально-государственный орган кузнецких татар, возглавляемый бывшим выпускником миссионерского училища, абинцем Сары-Сепом Конзычаковым. В четырех «национально-обособленных» волостях – Мрасской, Кондомской, Верхнекондомской и Томской – вводился налог на нужды самоуправления и запрет на заселение волостей русскими крестьянами. В марте 1918 г. на Учредительном съезде Думы в г. Барнауле создается особая административная единица – Каракорум-Алтайский округ с исполнительным органом – Каракорумской управой. Все это, однако, никак не отразилось на основной массе «кузнецких инородцев» указанных волостей, у которых из-за нарушения прежних территориально-экономических связей в условиях отсутствия твердой власти и гражданской войны хозяйство пришло в полный упадок. Спасаясь от холода и террора со стороны анархистских бандитских формирований из числа бывших старателей с золотых приисков, местные жители целыми семьями убежали в богатые земельные районы Минусинского и Бийского уездов. Волостные старшины не владели ситуацией [23].

Только после восстановления Советской власти на юге Сибири появились новые условия для национального самоопределения шорцев. Уже весной 1920 г. при Сибревкоме в г. Новониколаевске создается Отдел по делам национальностей, который не смог приступить к работе из-за вспышки повстанческого движения в Алтайской и Томской губерниях. После подавления крестьянских восстаний в составе Томского губернского подотдела 18 января 1921 г. образуется Кузнецкий уездный подотдел с секцией татаро-шорцев во главе с Побызачковым [25]. В июле 1921 г. по инициативе отдела по делам национальностей в г. Томске созывается совещание представителей коренного тюркоязычного населения Бийского, Ачинского и Кузнецкого уездов для рассмотрения национального вопроса. Сары-Сеп Конзычаков, занимающий в те годы пост заместителя «Алтгубнаца», предположил образовать в составе РСФСР автономную республику «Ойрат», куда бы вошли все тюркоязычные народы Саяно-Алтая. Это предложение вызвало много споров и было передано для окончательного решения в Наркомнат [29, с. 18].

В то время как советские органы практически решали вопросы экономического подъема края, бывшие члены упраздненной Каракорумской управы, как самые грамотные из «инородцев» и пробившиеся в руководство «Алтгубнаца», продолжали добиваться создания единой республики «Ойрат». В Москве 5 сентября 1921 г. на коллегии Наркомнаца Сары-Сеп Конзычаков вновь выступил с докладом об этническом единстве народов Саяно-Алтая и необходимости

выделения их в единую республику. Коллегия Наркомнаца, несмотря на красноречие С. Конзычакова, запросила мнение Сиббюро ЦК РКП(б), на что партийный орган признал создание такой республики нецелесообразным, поскольку «...такое объединение не составило бы целого ни в географическом, ни в экономическом отношении». Сам же проект был назван «совершенно нежизненным и политически опасным» в силу его неспособности обеспечить политическую устойчивость южных границ Сибири. «Прочность Советской власти, – отмечало Сиббюро, – в этом обширном районе может быть достигнута не моральным удовлетворением кучки националистически настроенной части населения, а классовой сплоченностью трудящихся промышленного и земледельческого населения края». Это заключение Сиббюро было заслушано 10 ноября 1921 г. на коллегии Наркомнаца, и Сары-Сеп Конзычаков получил согласие на образование автономной Ойрат – Хакасской области, куда предполагалось включить территорию населенную «татаро-шорцами». Он сразу же обратился с письмом к комиссару по делам национальностей И. В. Сталину с просьбой выдать ему «надлежащее отношение» в Сиббюро ЦК РКП(б) о содействии в подготовке выделения такой автономной области и получил положительную резолюцию [38, с. 461].

На заседании Оргбюро ЦК РКП(б) 15 ноября 1921 г. вновь были рассмотрены предложение Сары-Сева Конзычакова, заключение Сиббюро и Наркомнаца. Проект Ойрот-Хакасской автономной области был отвергнут, хотя сама идея создания национальной автономии на Алтае не исключалась, но реализовать ее собирались после ликвидации националистических банд Кайгородова в Горном Алтае. Подготовка к съезду «инородческих» представителей Бийского и Кузнецкого уездов в с. Улала (ныне Горно-Алтайск) началась в январе 1922 г. с обсуждения статьи С. Конзычакова, опубликованной в газете «Жизнь национальностей» и в журнале «Сибирские огни». Так он утверждал, что «Алтай, Джунгария и Урянхай населены тюрками, говорящими на одном и том же языке, имеющие одинаковые обычаи, право и религию, говоря вообще одинаковую культуру. Они не знают государственных границ, не хотят с ними считаться, и до сих пор, можно сказать, живут в двойном подданстве» [31, с. 10].

Однако при окончательном обсуждении проекта автономии 18 марта 1922 г. Сибревком, вопреки предложению Сары-Сева Конзычакова, воздержался от включения кузнецких татар-шорцев в создаваемую автономии «вплоть до выяснения их этнографического состава и экономического тяготения» [25]. Постановлением ВЦИК РСФСР 1 июня 1922 г. была образована Ойротская автономная область без включения в нее «инородческих» волостей Кузнецкого уезда.

В 1923 – 24 гг. Кондомская, Верхнекондомская и Мрасская волости были объединены в единый Кондомский район Кузнецкого округа с центром в с. Кондомском (77 % отобщего числа татаро-шорцев). В составе района были организованы 8 сельсоветов, включая и Суронаш-Байголский на р. Лебедь, населенный челканцами (хотя ранее с 1912 г. Кондомо-Шельская волость числилась в Бийском округе). При

создании сельсоветов было учтено этноэкономическое единство этнотерриториальных групп абинцев и бирюсинцев. Именовались сельсоветы по названию самого крупного центрального улуса: Усть-Анзасский, Средне-Челейский, Усть-Кабырзинский, Челису-Анзасский, Усть-Колзасский, Тугунский, Кондомский, Верхне-Кондомский. Волости со смешанным русско-шорским населением – Кузнецкая, Томская, Кузедеевская - отошли к Кузнецкому району Кузнецкого округа.

При дальнейшем районировании бывшей Томской губернии Томский губисполком дважды возвращался в 1923 – 1924 гг. к вопросу о включении татаро-шорцев в состав Ойротской автономной области. В очередной докладной записке Сары-Сеп Конзычаков вновь предлагал передать из состава Томской губернии Кондомскую, Верхнекондомскую, Мрасскую и Томскую волости с численностью «татаро-шорцев» на 1920 г. – 11008 чел., что составляло тогда 78 % от всего «инородческого» населения Кузнецкого уезда (14109 чел.). Созданная специальная комиссия отнеслась к этой идее отрицательно, посчитав, что «...кузнецкие инородцы «татаро-шорцы» экономически больше тяготеют к Томской губернии, с Ойротской автономной областью у них нет удобных путей сообщения и бытовой связи, а две из четырех намеченных к передаче волостей на 47 % населены русскими». К тому же, как обоснованно полагала комиссия, – «это выделение нарушит хозяйственную целостность богатого полезными ископаемыми Кузнецкого бассейна». Одновременно комиссией было рекомендовано при волостном районировании губернии выделить «татаро-шорцев» в самостоятельную особую административную единицу [24].

Позже, в июле-августе 1925 г. проверяя эту официальную точку зрения у руководства Ойротского облисполкома ленинградский этнограф Н. П. Дыреникова, направленная в Шорию Комитетом содействия Северным Народностям Сибири с заданием ознакомиться с экономическим бытом «инородцев», подробно и всесторонне описать их материальные условия и совместно с местными совработниками обсудить и наметить план, по которому должен действовать Комитет, пришла к неоднозначным выводам. Она писала, что «Одна Шория мала для самостоятельного существования, поэтому Комитетом на нас возложена задача нельзя ли ее объединить с Ойротской областью или туземцами Енисейского края, смотря потому, есть ли у шорцев с ними общие точки соприкосновения» [6].

Официальный ответ председателя Ойротского облисполкома т. Алагызова гласил: «1. Ойротская область не хочет никаких соединений с Шорией, ссылаясь на отсутствие путей сообщения, т. к. путь через верховья Мрассы и Лебеди лишь верховой и мало удобный, путь через Антроп и Сузоп также считается неудобным, хотя и колесный. Так что сообщаться пришлось бы через Новониколаевск и Кузнецк. 2. Ойротская область считает, что у них нет достаточного количества культурных работников даже для своей области. 3. Вообще отсутствует экономическое тяготение к Шории у Ойротской области и взаимно у Шории к ним». В тоже время большинство опрошен-

ных Н. П. Дыренковой грамотных алтайцев были убеждены в необходимости присоединения к ним Шории [5]. В Кондомском Рике, напротив, все единодушно были за независимость от Ойротской области и предлагали перенести центр нового объединенного района в с. Мыски или в улус Кабырза на реке Мрассу [5].

Согласно постановлению Президиума Томского губисполкома № 27 от 22 июня 1924 г. в с. Кузедеево 5 – 9 августа 1924 г. состоялся «Татаро-шорцевский горно-районный съезд» Кузнецкого уезда с представительством учителей, волостных исполкомов и недавно организованных сельсоветов (всего 43 делегата из них 40 кузнецких татар-шорцев). Перед началом съезда вопрос о создании какого-либо национального района в повестке не значилось. Но по требованию представителей делегатов – выходцев из абинцев Федора Кузьмича Тельгеркова и Федора Токмашева, что «...население Томской волости настаивает на создание единого татаро-Шорцевского горного района с резиденцией в улусе Томазак (Мыски)...» было принято решение организовать единый Татаро-Шорцевский горный район с правами и привилегиями округа. В состав района намечалось включить существующий Кондомский район полностью с Мрасской, Верхнекондомской, Кондомской волостями, а также частично Томскую и Кузедеевскую волости Кузнецкого района. Северная граница предполагаемого района намечалась от улуса Абашево, далее включала поселки Подобас, Протоку, Осинники Петраковской волости. Для управления территорией и людьми предлагалось организовать три вспомогательных подрайисполкома: в селах Осинники, КондомеиВерх-Кондоме с правами прежних райисполкомов. Представитель Томского губисполкома татарин З. С. Гайсин заявил, что при опросе «нацмень» Томской волости «...вынесли свои приговоры» о присоединении не Кондомскому, а именно к Кузнецкому району. Однако делегаты ему возразили, что «...малограмотные верхнетомские татары не думали тогда, что можно образовать национальный район», и что «русские нас давят...» и «мы по-русски плохо понимаем и не можем понять, что делает сельсовет» [24; 8, с. 145]. Курьезом можно считать утверждение историка М. В. Белозеровой, что съезд велся на шорском языке, отчего якобы русских делегатов отпустили со съезда. При этом автор не уточняет, на каком из диалектов общались присутствующие делегаты со всей Кузнецкой тайги, если общешорского литературного еще не существовало. И на каком языке общался с делегатами из разных этнолокальных групп со своими диалектами представитель Томского губисполкома татарин З. С. Гайсин, когда объяснял делегатам почему все они теперь должны называться шорцами, якобы древним названием преданным забвению «проклятым царизмом»? [7, с. 62].

Материалы съезда после утверждения их президиумом Кузнецкого исполкома от 19 августа 1924 г. дошли до Томского губисполкома только в октябре 1924 г. В это время в Томский губисполком 5 августа 1924 г. пришел запрос от Сибревкома с настоятельным требованием вновь рассмотреть предложения Ойротского облисполкома от 1923 г. о присоединении

части территории Кузнецкого уезда, населенной «татаро-шорцами», к Ойротии. Президиум Томского губисполкома постановлением от 20 августа 1924 г. признал возможным передать Ойротской автономной области только один Кондомский район, как «...тяготеющий экономически к Бийскому и имеющий сходные природные условия». Бывшая Томская волость, экономически связанная с Кузнецком, должна была остаться в Кузнецком районе Кузнецкого уезда Томской губернии. Это означало, что только половина из всех «татаро-шорцев» могла отойти к Ойротии. 23 августа 1924 г. это постановление было отправлено в Сибревком и Наркомнац. Однако после получения в октябре 1924 г. решений Татаро-шорцевского съезда и вывода из состава Ойротского облисполкома Сары-Сепаконзычаковаза его «темное прошлое» события стали развиваться по другому сценарию.

На заседании Президиума Кондомского РИКа от 31 июля 1925 г. было принято решение ходатайствовать перед Томским губернским Комитетом содействия туземным народностям и включить шорцев «ввиду сходства образа жизни таковых с северными туземцами» в состав обслуживаемых Комитетом. Кроме того, предполагалось открыть шорское отделение при Кондомском РИКе и культузбу, и просить Кольчугинский окрисполком добиться от центрального Комитета Севера организовать при Кузнецком округе местный шорский комитет. Это ходатайство, как следует из документов, было удовлетворено, хотя Кузнецкий комитет так и не был образован.

Сибревком, имея на руках материалы Татаро-шорского съезда и постановление ВЦИК РСФСР об образовании Ойротской автономной области, 25 августа 1925 г. принял решение ускорить образование в южной части Томской губернии Горно-шорского национального района с центром в улусе Мыски и избрать для этих целей ревком в составе трех человек: председателя Ф. К. Тельгеркова, членов ревкома Л. А. Иванова, Ф. М. Токмашева. Согласно этому постановлению Сибревкома из Кузнецкого района должны были отойти к Горно-Шорскому району Мысковский сельсовет Томской волости, часть Кузедеевской и Петраковской волостей [20, с. 3].

Под руководством Кузнецкого РК ВКП(б) с 1 – 8 октября 1925 г. (по З. П. Галаганову 25 сентября 1925 г.) в улусе Мыски прошел Первый съезд Советов Горной Шории. На нем был избран Горно-Шорцевский районный исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (председатель – абинец Ф. К. Тельгерков, секретарь из бирюсинских каргинцев улуса Усть-Анзас Н. П. Кадымаев) и выработаны программы национального строительства и социалистического переустройства всей социально-экономической и культурной жизни района [16]. Н. П. Дыренкова так описывает обстановку на съезде со слов делегатки – учительницы из п. Усть-Анзас: «Она ни слова не понимала по-русски. Съезд проходил 8 дней, но она нам так ничего и не могла сообщить, ничего не поняла за 8 дней. Знала только, что был Тельгерков и еще какой-то «казак кижичи» (*т. е. русский – В. К.*) и больше ничего» [4].

Всего за период существования Горно-Шорского национального района было проведено шесть таких съездов, последний из которых был в ноябре 1936 г. Последним председателем Горно-Шорского райисполкома 10 июля 1938 г. был избран Николай Петрович Кусургашев [22].

Сразу после съезда 9 октября 1925 г. для обсуждения вопроса «О состоянии Горно-шорского района» было проведено заседание бюро Кузнецкого райкома ВКП(б), на котором присутствовали: с решающим голосом – Уткин, Амосов, Тельгерекер и с совещательным – Кожевникова, Козлов, Прокудин, Маликов, Михайлов. Было обсуждено состояние доходной базы будущего района и составлено ходатайство об освобождении шорских охотников от государственного сбора. При этом в протоколе отмечалось кризисное состояние охотхозяйства и необходимость организации на территории района заказника [20, с. 4]. Кроме этого обсуждались вопросы реорганизации избитален под школы, открытия повсеместно кустарных мастерских, развития пчеловодства и скотоводства как двух основных в те годы отраслей хозяйства, стимулирования в оплате технических работников исполкома, выезжающих в отдаленные улусы.

Началось создание районных органов власти под опекой коммунистов. Уже к 3 ноября 1925 г. был организован суд с 10 судебными участками и выездными сессиями, а 5 ноября 1925 г. была проведена Первая партийная конференция Горно-Шорцевского района. На ней присутствовало 12 человек с совещательным голосом и 7 - с решающим голосом. В первый состав Райкома ВКП(б) были избраны: Шафигула Аглеулин, Ульяна Иванова, Федор Тельгерекер (единственный шорец из абайнцев), Федор Моисеев, Хорин Кузьма и Щербаков. На партийном совещании по вопросам советского строительства 1 апреля 1926 г. рассматривались варианты организации четырёх сельских исполкомов – Кондомского, Кузедеевского, Усть-Кабырзинского, Мысковского [3]. В улусе Мыски 14 мая 1926 г. прошла Вторая партконференция, на которой и был образован Горно-Шорцевский РК ВКП(б). Под непосредственным руководством райкома партии было создано 13 ячеек ВЛКСМ, пять пионерских и две профсоюзных организации. Во всех ячейках преобладали и главенствовали в основном русские [3].

Декретом Всероссийского Центрального исполкома «Об образовании в составе Кузнецкого округа Сибкрая национального Горно-Шорского района» от 12 апреля 1926 г. законодательно было закреплено право на национальное самоопределение шорского народа [29, с. 23]. 27 апреля 1927 г. на собрании актива района председателем райисполкома избирается Ф. М. Токмашев, формируется новый состав народного суда под председательством А. Кусургашева и секретаря Н. А. Топакова, а также прокуратуры и райотдела НКВД.

Общая площадь образованного района по данным З. П. Галаганова составила 30 тыс. кв. км. (49 тыс. кв. верст), а по данным М. В. Белозеровой – 52 тыс. кв. км. [20, с. 4; 7, с. 65]. По своей сути этот национальный район был одной из первичных форм советской национальной государственности «малых народно-

стей» РСФСР, имеющих свою этническую территорию, компактность в расселении, экономическую целостность хозяйства и формирующий единый язык.

Данные о численности населения Горно-Шорского района и доли в нем шорцев крайне противоречивы. Согласно М. В. Белозеровой, сравнившей несколько источников, динамика численности шорцев в общем объеме населения района выглядит следующим образом: 1926 г. – 11591 чел. (47 % из всего населения 21800 – 25012 чел. - в среднем же официальная цифра 24419 чел.), 1927 г. – 12206 (46,1 % из 26499 чел.). Кроме шорцев в 1927 г. в основном на северо-западе района проживали: русские 11545 чел. (43,6 %), мордва 2312 чел. (8,7 %), украинцы – 259 чел. (0,98 %), чувашаи – 72 чел. (0,3 %), коми-зыряне – 62 чел. (0,2 %), татары казанские – 17 чел. (0,06 %), поляки – 13 чел. (0,05 %), латыши – 6 чел. (0,02 %), прочие (хакасы, корейцы и др.) – 7 чел. (0,02 %) [7, с. 68 - 74]. Численность основного населения района в 1928 г. составила: русских – 11853, шорцев 11723; в 1929 г.: русских – 11853, шорцев 11591 [20, с. 14].

В 1931 г. шорцев стало 11680 чел. (33,6 % из 34767 чел. всего населения района); в 1932 г. – 12672 чел. (18 % из 68125 чел.); в 1935 г. шорцев – 12861 (14,4 % из 89176 чел.) из них русских – 66098 чел., 74 %); в 1939 г. по Всесоюзной переписи населения шорцев было – 16044 чел. (13,4 % из 119720 чел.).

При разделении Горно-Шорского национального района на три административных в них соответственно оказалось: в Кузедеевском – 28084 чел., Таштагольском – 14660 чел., Мысковском – 3812 чел., т. е. всего - 46556 чел. всего населения, т. к. часть населения оказалась в других административных образованиях [7, с. 68 – 74]. В 1940-е гг. по приблизительным подсчетам этнографа Л. П. Потапова шорцев насчитывалось: в Таштагольском районе – 6626 чел., Мысковском районе – 2297 чел., в Кузедеевском районе около 1 тыс., не более 1 тыс. проживало в г. Сталинске и г. Осинники. То есть в целом всего чуть более 10000 тыс. во всей Кемеровской области [39, с. 519].

До 1930 г. Горно-Шорский райисполком подчинялся Кузнецкому окрисполкому и состоял из пяти отделов: административного, финансово-налогового, земельного, военного, общего и секретариата и 5 секций: административно-правовой, с/х, торгово-кооперативной, финансово-налоговой, здравоохранения). Руководство текущей работой по координации деятельности всех подведомственных исполкому предприятий осуществлял избранный исполкомом из своего состава президиум из пяти человек.

В районе, объединявшем 323 населенных пункта, первоначально было образовано 33 сельсовета, во главе которых зачастую назначались представители русских из-за малограмотности подавляющего числа шорцев и недоверия к малочисленным воспитанникам православных миссионерских школ и Бийского Католического училища из числа кузнецких татар. Чисто шорскими сельсоветами были Средне-Челейский, Усть-Анзасский и Чувашенский, исключительно рус-

скими – Бенжерепский, Кандалепский, Верхне-Талинский.

В обязанности председателей шорских национальных сельсоветов входило выполнение Постановлений и Указов ВКП(б) и правительства, сбор налогов, статистический учет населения и хозяйств, организация выборов в Советы различного уровня, работа по ликвидации неграмотности, улучшения социальной структуры населенных пунктов, организация колхозов и контроль за выполнением планов. С 1926 г. председатели и секретари сельсоветов из числа зажиточных шорцев стараниями коммунистов стали вытесняться малограмотными бедняками. Большинство их не справлялось с работой, что приводило к постоянной текучке кадров. Председатели подбирались по профессиональному и национальному признакам: в национальных сельсоветах главенствовали шорцы в большинстве своем из более грамотных «низовских», в остальных – русские из числа крестьян-земледельцев. Секретарями в большинстве своем были грамотные русские, но обычно совсем не знавшие местных диалектов шорского языка.

Для исправления положения проводились курсы повышения квалификации и «коренизации» аппарата: ведение делопроизводства, судопроизводства на родном национальном литературном языке, подготовка кандидатов из национального актива, введение служащих – представителей национальных меньшинств в государственный, советский и партийный аппараты [7, с. 147]. С осени 1930 г. переписка между национальными сельсоветами и райисполкомом, судопроизводство стали вестись на литературном шорском языке, хотя в архивах почему-то сохранились документы за этот период только на русском [14 – 18]. За год, с октября 1930 г. по август 1931 г. работников сельсоветов из числа шорцев увеличилось с 67 до 127 чел. Из 16 членов президиума Горно-Шорского райисполкома 13 – шорцы. В состав исполкомов сельских советов из 191 человек 140 являлись шорцы [14]. И тем не менее ключевые и ответственные посты в банке, суде, прокуратуре, милиции, НКВД, а также в ряде отделов РИКа (райфо, коммунальный отдел) продолжали занимать в основном русские или украинцы [15].

Существует два противоречивых мнения относительно степени национального самоопределения шорцев. В массовом сознании современной национально-политической шорской элиты бытует мнение, что создание Горно-Шорского района определялось необходимостью формирования системы национального самоуправления. Историки или считают, что «...сложившаяся система территориальных связей и этническая специфика систем жизнеобеспечения при административно-территориальном переустройстве Горной Шории не прослеживается» [8, с. 148], или, что «...Горно-Шорский национальный район создан под давлением шорского народа» и что, «...образование Горно-Шорского национального района являлось формой проявления национального сепаратизма шорцев...» [7, с. 62 – 63].

Однако документы показывают, что инициатива создания отдельного национального района шла от русских советских и партийных властей с целью обо-

собления территориальных групп (шорцев, алтайцев, хакасов) единой тюркоязычной этнокультурной общности Саяно-Алтая и для эффективности коренной социалистической перестройки их быта и сознания. Власть председателей национальных сельсоветов всегда (вплоть до современных глав территорий) была ограничена различными инструкциями и циркулярами. В их полномочия не входили важнейшие для местных жителей вопросы распределения промысловых территорий и регуляции поземельных отношений.

Заметную помощь ещё неокрепшему национальному району оказал созданный при Кузнецком окрисполкоме Совет национальных меньшинств. На их первом совещании в г. Щегловске 25 сентября 1927 г. среди прочих присутствовало 8 делегатов от Горно-Шорского района. Большое внимание на совещании уделялось подготовке национальных кадров, для чего планировалось открытие краевого педтехникума для обучения шорцев, хакасов, ойрот-алтайцев.

Сразу после организации района стали высказываться предложения о его реорганизации из-за дисбаланса русского и шорского населения особенно в «северных» сельсоветах. Председатель исполкома Агня Кусургашев предлагал разделить Горно-Шорский район, а центр района «исходатайствовать с правом округа и сделать четыре подрайона с правами Риков» [20, с. 8]. На собрании актива Горно-шорского района ВКП(б) 27 апреля 1926 г. Ф. К. Тельгереков был обвинен соратником по партии Ильинским в «националистическом уклоне» за его призыв уделять в районе больше внимания именно шорскому населению. Было отклонено также предложение о реорганизации района в чисто национальный в составе Мрасской и Томской волостей. Центром района предлагалось избрать илис. Осинниковское (в окрестностях которого предполагалось тогда строительство Тельбесского завода) или с. Кузедеевское. Население бывшей Кузедеевской волости, где преобладало русское население, требовало о переводе их обратно в Кузнецкий район. Высказывались также мнения о разделении района и присоединения его по частям к Бийскому уезду, Ойротии или Хакасии. В результате было принято решение о переводе резиденции района в бывший улус Осиновский. Однако на краевом совещании в Новосибирске в 1927 г. центром района было определено с. Кузедеевское.

Постановлением Кузнецкого окрисполкома за № 92 от 26 октября 1928 г. было решено организовать в Горно-Шорском районе два «аймачных» исполнительных комитета с правами волостных исполкомов и с непосредственным подчинением их Горно-Шорскому райисполкому: Усть-Кабырзинский из 7 сельских советов с населением 4726 чел. и Кондомский также из 7 сельских советов с населением 5630 чел. К этому времени РИК окончательно признал, что само название «национальный» не соответствует сложившейся ситуации, которая постоянно прогрессирует [18]. К началу коллективизации система управления населением Горно-Шорского национального района ничем не отличалась от общегосударственной.

В начале 1929 г. планировалась передача Кузнецкому району территории Горно-Шорского района от улуса Мыски до села Кузедеево с 12 сельсоветами,

где преобладало русское население. По другому варианту, принятому III пленумом Горно-Шорского райисполкома в мае 1929 г., предлагалось разделить Горно-Шорский район на два района: собственно Горно-Шорский из 14 шорских сельских советов с центром в улусе Усть-Кабырза и Тельбесский – тоже из 14 сельсоветов с центром в с. Кузедеево. В среде алтайской и хакасской интеллигенции продолжал дискутировать вопрос о присоединении Шории к Ойротии или к Хакасии. Поступали подобные предложения, имевшие цель укрепить национальную государственность шорцев и в Сибрайисполком, однако поддержки не получили [17].

С началом промышленного освоения края наибольшее развитие получила горнорудная, деревообрабатывающая и золотодобывающая промышленность. Рудники Горной Шории обеспечивали сырьем (КМК) на 90 %, деревообрабатывающая промышленность за одну только пятилетку увеличила заготовку древесины на 287 %. Строительство железной дороги Кузнецк - Таштагол повлекло за собой появление крупных поселков – Тельбес, Мундыбаш, Каз, Чугунаш, Осинники и др. Так, если в 1931 г. рабочие-шорцы составляли 5,4 % от общего числа всех рабочих района, то к 1949 г. рабочих-шорцев только в одной только горнорудной промышленности насчитывалось 28 % [39, с. 128].

В указанное время все активнее стали протекать процессы этнической ассимиляции шорцев. Численность их значительно уменьшилась относительно всего населения района. Если к началу 1930-х годов в планируемом Тельбесском районе шорцев было 5,5 тыс. (21 %) из 26 тыс. всего населения всего населения, в Горно-Шорском, соответственно, 9 тыс. (70 %), из 13 тыс., то к 1949 г. в целом по всему национальному району шорцев оставалось немногим более 10 %. Большой урон в эти годы понесла сложившаяся шорская национальная интеллигенция в результате необоснованных репрессий 1930-х годов. По обвинению в контрреволюционном националистическом заговоре были уничтожены почти все ее наиболее видные представители.

Эти обстоятельства, а также необходимость изменения административных границ в связи с промышленным освоением и нарушением экономической целостности района, послужило причиной реорганизации национального района в три чисто административных (Кузедеевский, Мысковский, Таштагольский). Такое решение принял Новосибирский облисполком 29 сентября 1938 г. [19], которое было закреплено Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 22 июня 1939 г. [2, с. 92].

В то время, под влиянием известного определения нации, данного И. В. Сталиным, главное внимание стало уделяться компактно расселенным крупным национальностям, а дисперсные национальные группы, в том числе и шорцы оказались вне поля зрения. Распространенное тогда мнение об успешном решении к концу 1930-х годов в СССР национального вопроса не учитывало того, что в отличие от классовых противоречий, ликвидация фактического неравенства, в котором еще находились малочисленные народы по отношению к крупным нациям, процесс довольно

длительный. Всего к 1934 г. на территории СССР таких национальных районов, образованных решением высших органов было 97. В целом таких национальных районов и сельсоветов было около 5 тыс., причем 458 национальных районов только в РСФСР [29, с. 88]. И все они, выполнившие, как тогда считалось, основную задачу - «подъем экономики и культуры малых народов и национальных групп до уровня всего населения СССР», были ликвидированы. Так что шорцы здесь не составили исключение.

В результате административного разделения демографическая ситуация выглядела следующим образом:

– Кузедеевский р-н – 147829 га, 63162 жит., 23 с/с и 3 п/с, 388 н. п., 126 колхозов с числом дворов 4030, 13947 га посева, 16418 га сенокосы;

– Таштагольский р-н – 88143 га, 44294 жит., 17 с/с и 4 п/с, 550 н. п., 74 колх. и 2188 дворов, 4667 га посева, 11238 га сенокосы;

– Мысковский р-н – 37995 га, 14661 жит., 7 с/с, 76 н. п., 24 колх. и 783 дворов, 3334 посева, 6537 сенокосы [21, с. 3].

После ликвидации национального района этническое развитие шорцев стало замедляться и принимать новые формы. Еще некоторое время продолжалось преподавание в начальных классах родного языка, выпускалась литература на шорском языке, продолжали сохраняться фольклорные коллективы, проводились слеты сказителей, однако необходимых реальных условий для дальнейшего развития общешорской национальной культуры уже не было. Был закрыт педагогический техникум, в школах преподавание стало вестись на русском языке, прекратились публикации литературы на шорском языке. Без поддержки со стороны государства еще до конца не консолидированный малочисленный шорский народ в условиях прогрессирующей ассимиляции самостоятельно развиваться не мог. Уцелевшие после репрессий шорские учителя и другие представители интеллигенции большей частью погибли на фронтах Великой Отечественной войны, что явилось невосполнимой утратой. В послевоенный период главной задачей Горной Шории было развитие промышленности, а вопросы социально-экономического и культурного развития сельских районов Горной Шории отошли на второстепенный план.

Постановление Совмина РСФСР № 859 от 8.06.1960 г. и решением Кемеровского облисполкома № 522 от 20 июня 1960 г. «О ликвидации колхозов Горной Шории как нерентабельных» окончательно были уничтожены все организационные формы хозяйства в сельских районах Горной Шории. Причем в южных таежных районах Шории взамен ничего другого не было предусмотрено и создано, что резко осложнило социально-экономическую ситуацию в Таштагольском районе. Прекратилось финансирование нового строительства, после чего дома, школы, клубы постепенно пришли в негодность.

В конце 1980-х годов из 13 клубов в 85 населенных пунктах 4 были в аварийном состоянии, а 5 требуют капитального ремонта. Более двух третей трудоспособного населения сельских районов переселилось в города (Междуреченск, Новокузнецк и др.) и

крупные поселки. Из оставшихся 3252 шорцев сельской местности Таштагольского района на 1987 г. – всего 1127 работающих (20 % всего трудоспособного населения района, из которых 823 рабочих и 304 служащих) и 1000 пенсионеров [30, с. 139]. В общем, наблюдалась тенденция уменьшения численности шорцев сельских населенных пунктов из-за миграций в города. К настоящему времени около 90 % всех шорцев – это городские жители Южного Кузбасса,

мало чем по образу жизни и культуре отличающиеся от горожан других национальностей.

Подъем, национального самосознания и реанимация этнополитических процессов или потрагтовке современных философов - «этнокультурный ренессанс, неотрадиционализм» у шорцев наступил только с началом 1990-годов, в условиях крушения социалистической государственности и развала СССР [30]. Но это уже другая история...

Литература

1. Абдыкалыков А. Переселение Енисейских кыргызов в начале XVIII в. и их историческая судьба // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов: сб. ст. / Ин-т истории, филологии и философии СО РАН. Новосибирск, 1986. С. 81 – 99.
2. Административно-территориальное деление Сибири: Справочник. Новосибирск, 1966. 220 с.
3. Адрианов А. В. Кузнецкий край // Живописная Россия. Т. XI. СПб.; М., 1884. С. 273 – 302.
4. Архив Музея антропологии и этнографии (АМАЭ). Ф. 3. Оп. 1. Д. № 111.
5. АМАЭ РАН Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л.
6. АМАЭ РАН Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 247. Л. 1 – 2.
7. Белозерова М. В. Шорцы: жизнь и реформы (20-е – 60-е гг. XX в.). Опыт интеграции в социалистическое общество. Кемерово: Ин-т угля и углехимии СО РАН, 2004. 320 с.
8. Белозерова М. В., Садовой А. Н. Национальная политика 20 – 30-х гг. XX в. Шорский национальный природный парк: природа, люди, перспективы / Ин-т угля и углехимии СО РАН. Кемерово. С. 144 – 160.
9. Вербицкий В. Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии за 1866 г. // Православное обозрение. М., 1867. Т. 8. № 1. С. 165 – 180.
10. Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. Горно-Алтайск. 1993. 221 с.
11. Вербицкий, В. И. Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской Миссии за 1862 г. // Православное обозрение. М., 1863. Т. 4. № 2. С. 143 – 161.
12. Вербицкий В. Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии за 1874 г. // Томские губернские ведомости. Томск, 1875. № 15 – 17.
13. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-3. Оп. 1; Д. 35. Л. 3; Д. 36. Л. 3.
14. ГАКО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 7. Л. 20; Д. 31. Л. 46 – 47; Р-1138. Оп. 1. Д. 45. Л. 1, 4, 12, 19.
15. ГАКО. Ф. Р-1138. Оп. 1. Д. 45. Л. 19
16. ГАКО. Ф. Р-64, справка. С. 2; Ф. Р-64. Оп. 2. Д. 1. Л. 49.
17. ГАКО. Ф. 64. Оп. 2. Д. 7. Л. 249.
18. ГАКО. Ф. Р-64. Оп. 2. Д. 76. Л. 11 – 12.
19. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1020. Оп. 2. Д. 16. Л. 324 – 325. Копия. Машинопись.
20. Галаганов З. П. История Горной Шории. Кн. Первая (1925 – 1939). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. 167 с.
21. Галаганов З. П. Очерки истории Горной Шории. Книга вторая (1939 – 1945): учебное пособие. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. 360 с.
22. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 64. Оп. 2. Д. 380. № 45).
23. ГАТО. Ф. Р.-480. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.
24. ГАТО. Ф. Р.-480. Оп. 1. Д. 1. Л. 70.
25. ГАТО. Ф. 317. Оп. 1. Д. 10. Л. 8, 9, 10.
26. Добжанский В. Н., Ширин Ю. В. Кузнецкий острог 1618 и 1620 гг. // Аборигены и русские старожилы Притомья. Кемерово, 2002. С. 221 – 242.
27. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // ТИЭ АН СССР. Нов. сер. М.; Л., 1960. Т. 55. С. 104 – 118.
28. Емельянов Н. Ф. Население Среднего Притомья в Феодалную эпоху: (состав, занятия и повинности). Томск, 1980. 250 с.
29. Кимеев В. М. Национально-государственное строительство у шорцев // Археология Южной Сибири / отв. ред. Л. Ю. Китова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. Вып. 23. С. 17 – 25.
30. Кимеев В. М. Шорцы. Кто они?: этнографические очерки. Кемерово, 1989. 189 с.
31. Конзычаков Сары-Сеп. Культурно-исторический очерк об алтайцах: (К вопросу о выделении автономной области «Ойрат») // Сбирские огни. 1922. № 1. С. 109 – 115.
32. Кузнецкие акты XVII – первой половины XVIII вв. // Сборник документов. Вып. I. Кемерово, 2000. 184 с.
33. Миллер Г. Ф. История Сибири / Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Вост. лит. Т. I. 3-е изд. 2005. 630 с.
34. Огурцов А. Ю. Русская экспансия в Южной Сибири (постановка вопроса) // Кузнецкая старина. Вып. 2. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1994. С. 3 – 4.

35. Огурцов А. Ю. О трехсотлетнем споре // Кузнецкая старина: ист.-краев. сб. ; отв. ред. Ю. В. Ширин. Новокузнецк, 2005. Вып. 7. С. 77 – 98.
36. Огурцов А. Ю. Материалы военно-инженерной разведки 1745 – 1746 гг. на Алтае и в Саянах как источник по экономике коренных народов Южной Сибири // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2008. Вып. 10. С. 159 – 165.
37. Потапов Л. П. Очерки по истории Шории. М.; Л., 1936. 260 с.
38. Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. Новосибирск: Новосибирское ОГИЗ, 1948. 504 с.
39. Потапов Л. П. Шорцы // Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 492 – 538.
40. Садовой А. Н. Реформы конца XIX - начала XX вв. и их социально-экономические последствия для коренного населения // Шорский национальный природный парк: природа, люди, перспективы. Кемерово, 2003. С. 137 – 144.
41. Томилов Н. А. Этническая история тюрко-язычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI - начале XX века. Новосибирск, 1992. 271 с.
42. Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII - XVIII вв. Новосибирск, 1980. 296 с.
43. Чиспяков Э. Ф. Язык, история, культура тюрков Южной Сибири (собрание научных статей). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. 440 с.

Информация об авторе:

Кимеев Валерий Макарович – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии КемГУ, kimeev@mail.ru.

Valeriy M. Kimeev – Doctor of History, Professor at the Department of Archaeology, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 28 июля 2014 г.